

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Стихотворное переложение О.К.

Вступление

Теперь следует моё стихотворное переложение «Слова». Текст этот возник спонтанно по вдохновению в один присест. Я действовал согласно своей поэтической натуре как профессионал в поэтической технике, по неожиданному настроению души и ума. Когда дело было сделано, и я сказал своё «ай да Пушкин, ай да сукин сын!», я вдруг вспомнил, что у моего поэтического батюшки есть нечто подобное. Речь идёт о большом стихотворении Пушкина «Странник», являющимся рифмованным стихотворным переводом первых глав прозаической книги Джона Баньена «Pilgrim's Progress», *Путь пилигрима*. Пушкин, увлечённый эпическим текстом, не только перевёл оригинал на русский язык, но и сделал это рифмованным стихом, к чему в тексте Баньена нет даже тенденций. Эквилибрист стиха и рифмы, Сверчок блеснул своими возможностями, играя мускулами поэтического атлетизма и демонстрируя возможности «великого и могучего» в области ритмической гибкости и богатства рифмы. Труд оказался ограничен только тем, что удалось сделать сходу, – большего при объёмистости книги Баньена ждать было невозможно, хотя богатырский замысел Александра Великого скорее всего простирался до конца прозаического текста. Но краткость пребывания на земле не позволила большего. С «Анджело», например, он справился *от и до*. «Странник» оказался приблизительно тем, что я сотворил со старославянским оригиналом. Владея обоими языками, я старался по возможности сохранять языковую текстуру «Слова», создавая двуязычный максимально выразительный бленд “в одном флаконе”. Настоящий поэтический перевод создаётся не для облегчения работы души малограмотных,

а для обогащения “поэтических закромов” отечественной словесности. Пушкин побратался с Баньеном как мастер слова и как мистик орденового толка. Пушкинский опус оценил только Достоевский в «Пушкинской речи», хотя в виде юноши – героя стихотворения – чудесным образом Достоевский-подросток и выведен.¹

Но ещё больше сходства я обнаружил в известном с детства «Как ныне собирается вещей Олег / Отмстить неразумным хазарам». В данном случае оригиналом послужила летописная заметка, которую Александр Сергеевич обработал, компактизировал, перевёл на современную ему речь и зафиксировал. Он укрупнил, “обелил” и героизировал волхвов, омыв их от христианского Дуста, в котором они были церковниками вымазаны. «Песнь» получилась больше о волхвах, чем «о вещем Олеге», – таков был орденовый “*ндрав*” нашего *Алексы*. Virtuозность и версификационный блеск этого опуса поэта делают его особенно любимым, а притчевый сюжет приближает его к Пушкинским сказкам и басням. У меня тоже получилось зарифмовать словесные россыпи оригинала без натуги и насилия над материалом. СОПИ вспыхнуло и расцвело прекрасным цветком как бы само собой, на своём потенциальном горячем. Стоило “ударить по трещине, отвалился огромный пласт угля”. Естественность «преображения» здесь замечательней всего. И, однако, публикации пришлось ждать почти полвека. А всё потому, что «дух не тот», “не по форме совковой лопаты сработано”, слишком свободно. Зато теперь к переложению добавлено исследование, к смыслу – порядок, к вдохновению – откровение. В России надо жить долго и читать медленно. Наконец одно с другим удалось соединить. Я оставил переложение без изменений: вдохновение извергает позднюю правку, словно чужеродные заплатки. Текст уже существует как законченное самостоятельное произведение.

¹ Подробности в: О. Кандауров. *Солнечный Гений из ложи Овидий. Пушкин – эзотерик и мистик*. М., 2009.

**СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ**

Переложение О. Кандаурова

Не почать ли, братия, напев
Словесами старыми, как Игорь,
Святославов сын, свершал набег,
Ратный труд свой делая великий?

А начать нам, братия, его,
Сей рассказ о были этой бранной,
По былинам времени сего,
А не замыслению Бояна.

Бо Боян тот вещей коль хотел
Песнь свою умелую творити,
То орлом под облаки летел,
По земле влачился с волчей прытью;

И по древу мыслию Боян
Растекался в сладостных глаголах...
Помнил он, как в дерзостных боях
Шёл на брата брат и брал за горло.

Он не десять соколов лихих
На лебяжье стадо напускает,
Первого добычу на стихи
Музыки заздравной выбирает,

Чтобы стару Ярославу петь и
Храброму Роману и Мстиславу,
Что зарезал лютого Редедю
Пред полки касожскими на славу, –

Но Боян не десять соколов
На лебяжье стадо выпускает,
Он на гусли десь свою кладёт,
Он персты на струны воскладает;

То не десять соколов, друзья,
На лебяжье стадо с неба пали,

Но персты на струны, и князьям
Те же сами славу рокотали.

Так начнём же, братия, рассказ
От старинной славы Мономаха
До благого Игоря, чей глас
Вёл полки на половцев без страха.¹

Сердце к сечи мужеством остря
И исполнясь ратного восторга,
Ум скрепивши твёрдостью, войска
Распростёр с заката до востока.

* * *

О Боян, поюн былых времён!
Как вместил бы в песню ты дружины,
Эти тьмы знамён, коней, имён,
Ты с своей повадкой соловьиной?

Ввысь по древу мысленну скача,
Разумом под облаки взлетая,
Славу б дней минувших приобщал
К дням, где слава внуков золотая;

И из славы равных половин
Песнь слагал без лести и обмана,
И стелился б в таинстве ловить
Вдоль тропы стославного Трояна.

Так тогда б ты песню эту пел
Игорю, того Трояна внуку:

---

¹ Вар. перевода:

*Так начнём же, братия, рассказ
От седин Владимира Святого
Да младого Игоря, чей глас
Вёл полки на степь степенно снова.*

«То не сокол в бурю залетел
Через поля, ветров вкусивши руку,

Это стаи галочки спешат
Поклевать воды к велику Дону...»
Или так бы начал наугад,
Внук Велесов, дел внимая звону:

«За Сулой широкой кони ржут,
Трубы в Новгороде трубят,
Звенит слава в Киеве, а тут,
Во Путивле, стяги войск стоят».

* * *

Игорь мила брата ждёт. И вот
Всеволод, буй тур, пришед, глаголет:
«Брат мой светлый Игорь, – ждёт поход;
Пусть твоих седлают борзых коней.

Уж мои осёдланы стоят
Там, у Курска, впереди, вготове.
Приводи войска, не выдай, брат,
Ведь одной с тобой мы княжей крови!

Знаешь ты, о брат, моих курян, –
Всяк боец бывал: рождён в походе,
Под щитом возрос, с мечом играл,
Ел с конца копья, пил с кровью воды.

Все-то там им ведомы пути,
Все-то там знакомы им яруги,
Знают где пройти, где проползти,
И уже натянуты их луки;

В ярости они слепня слепей,
Сабли их изострены, стремглавы;

Рыщут в поле волками, себе
Ищут чести, князю ж бранной славы».

* * *

И тогда возвёл свой Игорь взор
На светило вышнее и видит:
Тьма от солнца падает на дол,
Ею гриди Игоря прикрыты.

И промолвил князь к своей дружине:
«Братия и други! Лучше пасть,
Чем в полон идти. Положим жизни,
Но пред тем поборемся мы всласть.

Или лучше струсить? – Жизнь милей...
Разбежаться? Каждому – до дому?
Полно, братья! Сядем на коней
Да посмотрим синего мы Дона».

И такая жажда обуяла
Князя Дона вольного вкусить,
Что вскричал он: «Братья! Солнца мало,
Чтоб дорогу славе преступить.

Преломлю копьё своё удаю
В поля половецкого конец;
Други, почитаю, Солнца мало,
Чтоб смутился истинный боец.

Иль в бою сложу главу свою,
Или Дону вольного испью!»

И вступил в золотое стремя Игорь,
В чисто поле бег направил он,
А за холмьем смертным бранных игр
Уж ему сверкает вольный Дон.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Солнце тьмою путь ему замает;
Стонучи грозою, будит ночь
Птиц повсюду; свист звериный лает,
Див забился с древа во всю мочь;

Кличет он с вершины вековечной,
Призывает ухо преклонить
Ниц земле незнаемой далече –
Волге и Поморью; и велит

Ниц Посулю, Сурожу, Корсуню
И тебе, болван тьмуторокан!

Половецкий стан бежит не всеу
К Дону лазом тайным, таракан;

И кричат телеги в полунощи
Словно растревоженные в роще
Лебеди.

А Игорь между тем
Тоже к Дону движет своё войско.
Но рыдает с дуба свиристель,
Воют волки – бури отголоски.

Уж орланы клёкотом зверей
В пир грядущий в гости призывают,
Движет Игорь воинство скорей,
И на каждый щит лисицы лают,
Всё таится, всё настороже...

Русь, ты за холмом лежишь уже!

Долго меркнет ночь. Заря погасла.
Мгла поля покрала. Соловьи,
Гомон галок пробудив, напрасно
Голоса растратили свои.

Русичи, червлёными щитами
Преломивши поле пополам,
Пики вражъя воинства считали...
«Князю – слава... Что-то будет нам?..»

Лишь пяток зарёй своей занялся,
Смяв врагов поганые полки,
Врассыпную по полю несяся,
Русь – в погоню, половцы – в беги

Бешено пустились. Красных девок
Половчанок посадив в седло,
Русичи добычу делят. Дело
Кончилось едва лишь рассвело.

Злата, паволок и оксамитов
Не исчесть. Драгие епанчи
Бросили в болота гать мостити,
Чтоб проехать ног не замочив.

Под добром согбенные устало,
Ниц хоругви вражии; под крик
Ими князю путь они устлали,
Сыну удалого Святослава, –
Будь же славен, Игорь, и велик!

* * *

Дремлет в поле Ольгово гнездо.
Залетело далеко! Далече...
Да не к смерти рождено оно
Вашей, дерзкий сокол, хищный кречет;

Ни к твоей, поганый чёрный вран,
Половчанин дикий, лютой смерти!
Спит в степи усталый русский стан...
А сквозь липкий береговой туман

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

К Дону мчит стопы свои усердно
Старая лиса, угрюмый Гзак,
А за ним вослед бежит Кончак.

* * *

Чуть рассвет расстлал свою зарю,
Видят: вся пропитанная кровью.
Тучи с моря чёрные встают,
Скоро уж четыре солнца скроют...

В этих солнцах синих молний свет.
Быть громам великим! Дождь из копий
Из-за Дона низойдёт чуть свет,
Чью-то рать разбитую затопит!

Будет гром! Великий грянет бой!
Хрустнут копыта, треснут вражьи шлемы
На реке Каялке, за тобой,
Дон.

О Русь, ты за холмом! ужели...

* * *

Ветры то, Стрибожьи внуки, веют,
С моря стрелы в Игоря меча.
Доли – в горло, реки багровеют;
Пыль взметнулась, стяги зов кричат.

Половцы от Дона и от моря
Двигутся, ползут со всех сторон;
Степь гудит, поганым кликам вторя,
Русский стан зажат и окружён.

Клин бесовский поле преградил,
Русский щит просторы разломил.
Всеволод, яр тур! Среди поганых

Стоя, ты крушишь своим мечом
Шлемы их налево и направо,
И тебе их стрелы нипочём.

Лишь куда поскачешь, тур, сверкая
Сечи средь шеломом золотым,
Там уже лежат враги, стена –
Шлемы их со главами сняты.

Первый ты средь пекла буйной брани,
Всеволод, яр тур; и что тебе
Жизнь и честь и этой сечи раны,
Смерть сама средь чуждых сих степей!

Что тому, о братья, раны эти,
Променял кто ради брани сей
Свой Чернигов и одни на свете
Очи милой Глебовны своей.

* * *

Были Трояновы веки, минули дни Ярослава;
И Святославова сына, были Олега полки.
Онъй ковал, окровавлен, меч на крамолу, дерзая,
Сеял он стрелы по свету, брани вкушая плоды.

Только Олег тот вступает в стремя во Тмуторокане,
Звон их уж Всеволод слышит, сын Ярослава седой,
Дале в Чернигове граде в страхе трясаясь и икая
Князь его стольный Владимир уши заклал бородой.

Буйный Борис Вячеславич в суд похвальбой приведённый
Лёг в похвальбой той посланный
Смертный ковыльный покров,
И за обиду Олега – храброго князя младого –
Лёг он. И с той же Каялы средь иноходцев угров,
В Киев к Софии притекших, князь Святополк прилеял

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Старца-отца. В той годы оный безумный Олег
Сеял – растил, Горе-славич, семя усобиц; хирея,
В княжких крамолах усобных век коротал человек.

Гибла Дажьбожьего внука жизнь; по земле как по русской
Пахари кликали редко, часто зато вороньё
Граяло, делючи трупы, часто и галки со скуки
Речь заводили, смакуя пиршество злое своё.

Всё было! рати и бой...
Слыхано ль о таковой?

* * *

От зари до самого заката,
От заката снова до зари
Свищут стрелы, вторя гром булата
О шеломах; свищут, косари.

Копия харлужные трещат
Под напором силы молодецкой...
Во поле неизвестном лежат
Средь земли поганой, половецкой

Многие... Посеяна костьми
Под копыта чёрная земля,
Кровью полита... И спят с князьми
Их дружины как одна семья;

А в просторах Русской земли
Те посева горем проросли.

* * *

Что шумит ми, что мени звенит
Рано-рано пред зарёй из злата?
Игорь повернуть полки велит –

Жалко мила Всеволода брата.
Бились день и билися другой;
Ко полудню третьего дня пали
Игоревы стяги. Над рекой
Разлучились братья у Каялы.

Тут кровава не доста вина,
Русичи тут пир скончали, храбры,
Напоили сватов допьяна
Да и сами полегли на травы.

Никнет в смертном горе каждый лист,
И склонился долу дуб плечист.

* * *

Горькая година встала, братья;
Русская легла далече сила
Не имая сраму, в смертной брани,
И пустыня силу ту прикрыла.

Встала бо обида в стан Даждьбога,
Девою вступила в край Трояна,
Расплескалась лебедью широко
И у Дона плещучи багряно

Прогнала от русских время славы;
Бой преткнул стопу, и злобу множа
Брату брат вскричал сквозь при забавы:
«Это всё моё, и то – моё же!»

И начали буйные князья
Малое великим величать
И друг другу казнями грозя
Строить кознь... А стоит лишь начать.
Половцы, меж тем, со всех сторон
В Русь вошли, не встретив оборон.

* * *

О, далече сокол залетел,
Птицу бья, – до самого до моря!
Да не воскресить уж бранных тел
Сей дружины, хоть иссохни с горя.

Карна вслед закаркала по нём,
Поскочила Жля землёю Русской,
Жгя людей безжалостным огнём,
Мыкая железной трясогузкой;

Огнь слетает с пламенных рожон, –
Не один могучий им сражён!

Всполыхнулись вопли русских жён,
Причитали: «Уж своих нам милых
Ни помыслить мыслью, уж имён
Ни почти упомнить над могилой, –

Не узреть нам больше милых лад,
Мысли, думы, очи жожёт от боли,
Серебра и золота тем боле
Нам не подержать – один наклад!»

Невозможно слушать, – это ад!
Сердце разрывается на части! –
Застонал от горя Киев-град,
Почернел Чернигов от напасти.

Разлилася по Руси тоска,
Потекла печаль землёю Русской
Словно в половодье Дон-река,
Словно гусли захлебнулись музыкой.
А князья ковать вперегонки
Продолжали ржавую крамолу,

В те поры поганые полки,
Рыская от долу и до долу

Русью, не вкусивши топора,
Дань берут по белке от двора.

* * *

Так и Святославичи тогда –
Всеволод и Игорь – пробудили
Лжу, её же в оные года
Святослав, отец их, бывший в силе –

И какой! – всё было нипочём –
Усмирил полками и мечом;

Прикопытил в землях половецких
Пыльные яруги и холмы,
Возмутил игрою молодецкой
Реки и озёра; ехал ми-

Ехал мимо – иссушил ключи, –
Сапогами бравая пехота
Вытоптала хляби и болота
И о травы вытерла мечи.

А потом погана Кобяка
Из полков стальных, из лукоморья
Вырвав вихрем, горстью кизяка
Бросил вон. И в Киев-граде вскоре
Тот Кобяк средь гридницы упал,
Где сей князь когда-то пировал.

Тут венецианцы, немцы, греки
Хором спели славу Святославу:
Слава князю храброму во-веки!
Игоря же укорили «слабым»,

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Ибо утопил на дне реки
Жирные трофеи «за спасибо» –
Хоть иди не снявши сапоги –
Через Каялу златом брод насыпал.

Игорь тут, слезая с золотого –
От досады горло в ком свело,
Но, скрепясь, ни стопа и ни слова –
Пересел в поганое седло.

Приуныли камни стен по градам,
И веселье стогн поникло рядом.

* * *

Святослав же мутный видел сон
В Киеве: «На тисовой кровати
Я лежу, ко мне со всех сторон
Чёрной паполомой покрывати
Тянутся и синее вино
Черпают мне пополам с недугом
И колчаны вражьи надо мной
Всё проносят, идя друг за другом;
И из тех колчанов, из пустых
На лицо мне жемчуг крупный каплет,
А конёк от кровли без узды
Ускакал, а терем мой поваплен;
И всю ночь у Плесни вороньё
Каркало над тихим плоскогорьем
Над Кисаньей дебрью, от неё
Мрак понёсся дале к синю морю», –
Так заутро рёк могучий князь
Над столом задумчиво склонясь.

И на то в ответ ему бояре:
«Князь, тоска твой полонила ум.
Злу добычей стать, добыть добра ли

Соколам вдруг захотелось двум;
И златой престол покинув отчий
Полетели быстрые от дому,
Чтоб добыть тмутороканских вотчин
Иль хотя б испить шеломом Дону.
Только, князь, уж соколов тех крылья
Саблями подрезаны поганых,
Путами железными покрыли
Вороги их, княже, бесталанных.
Ибо два померкло солнца; в третий
День сошла на дол ночная тьма,
Два молодые месяца, не встретив
Солнц, покрылись мраком, пав в туман, –
Святослав с Олегом эти двое,
Оба препоясались бедою.
На Каяле тьма прикрыла свет,
По Руси простёрлись половчане
Как гнездо пардужье, и в ответ
Во хинве победный пляс начали.

На хвалу низвергнулась хула,
Вдарило насилье по свободе
Как по струнам гусельным булат,
Эхом отдалось на небосводе,
День на ночь, на темень свет сменив, –
Бросился на землю с древа Див.
И воспели готские красотки
Морю, Шарукана поминя,
За его позор, грозя разором,
Русским златом радостно звеня.
Князь, их радость нам отрава-зелье,
Мы изголодались по веселью».

И тогда великий Святослав
Изронил, вздохнув, златое олово,
Со слезами оное смешав:

«Игорю и Всеволод, сынове!
Рано половецкий вы пирог
Начали делить своим булатом –
Лишь врага впустили на порог, –
Не по чести умысел. Куда там!
Знаю, что сердца у вас – броня,
Только кто ж кроит до середины?
Что же не спросили вы меня,
Что ж мои ославили седины!

Ярослава, брата моего
Уж не вижу в славе и богатстве, –
Где ж лихое воинство его –
Тюрки и бояре в бранном братстве?
Помнится, без копий и щитов,
Только с засапожными ножами
Крикнут клич – и дело начато,
Чуть начнут – враги уж побежали, –
Так и побеждали; славы звон,
Дедов чтя, летел со всех сторон.

Но сказали дерзновенно вы:
“Нет, уж мы помужествуем сами,
Бить челом не будем прежней славе,
Пред чужой не склоним головы!
Битвы – не для слабых, не для хилых,
Грянь в набат щита грядущий бой, –
Славу мы переднюю похитим,
Заднюю ж поделим меж собой!”
Диво ль старику помолодеть?
Но и сокол бьётся аж до смерти,
Но не даст чужому овладеть
Он своим гнездом, уж вы поверьте.
Времена худые, лишь на Бога
Вся надежда, только вот в чём зло:
Эти все князья мне не подмога.

Русь моя, тебе не повезло!
В Риме крик – свистит поганых сабля,
Володимир раненный затих,
Пальцы, меч сжимавшие, ослабли.
Глебович, ты слышишь стоны их?»

* * *

Князь великий Всеволод! Далече
Мыслишь ли, теряя мысли нить,
Прилететь к жестокой этой сече
Отчий злат-престол оборонить?
Расплескать веслом ты можешь Волгу,
Дон шеломом вычерпать до дна...
Что-то ты в уме решаешь долго,
Рать твоя доселе не видна.
По России нет тебя мощнее;
Что же, князь, скажи, чего ты ждёшь, –
Был бы здесь – невольники-кощеи
В день базарный были б ни за грош.
Шершни стрел живых припасены,
Луки ж держат – Глебовы сыны.

Братя храбрый Рюрик и Давыд!
Шлемами в крови не ваши ль вои
Плавали? Кого же удивит
Ваша доблесть? – Слава вам обоим!
Ваши ль рати рыщут словно тур
Раненный во поле неизвестном?
Господине, в стремя! На лету
Примите решенье, – Русь над бездной!
Отомстите полчищам поганых
За обиды наши и за раны!

Галицкий стославный Осмомысл,
Высоко сидишь ты на престоле,
Гор венгерских подпираешь высь,

Поперёк стоишь в Дуная горле;
Грозы твои по землям текут, –
Отворяешь Киеву ворота;
Если где-то угрожает кто-то
То полки твои уж тут как тут;
Лук натянет мощная рука –
Падают салтаны за морями, –
Полно, княже, целься в Кончака,
В них, что нашу землю замарали,
Ты стреляй; за Игоревы раны,
Ярославе, отомсти поганым!

Ты, буй-тур Романе, и Мстислав!
Ваша мысль влечёт ваш ум на дело,
Ваша воля соколом летела
Крылья над ветрами распластав,
Соревнуй в буйстве всякой птице.
Ваши вои шлемами – латинцы.
Не от них ли дрожь прошла Литвой,
Не от них ли прятались ятвяги, –
Побросали копья, бедагаи,
Под булат склонившись головой?
Но уж, князь, померкнул солнца свет
Игорю, к беде сронило древо
Лист, и се неподелённых нет
По Суле ни града, ни деревни.
А полка ему не воскресить!
Княже, Дон к себе вас всех скликает
За гнездо Олега отомстить, –
Храброго победа ожидает!

Вы, Ингварь и Всеволод, и вы,
Три младых Мстиславича лихие, –
Вы сокольей стаи? – Тетивы
Натяните, – бой лихих стихия.
Где ж победы, княжествам подстать?

На коней, – спешите навестать!
Где же шлемы ваши, где же сулицы
Ляцкие, где медные щиты?
Поле – на замок, – пусть ворог сунется;
Выручайте наших из беды!

Не течёт уже к Переяславлю
Серебром струи звеня Сула,
И Двина оборотилась хлябью,
Смерть и жажду половцам суля.
Изъяслав единый, сын Васильков,
Позвенел мечом в Литвы шелом,
Деда помянул – да не осилил
Силу, – пал на траву тяжело
Под щиты, вкусив меча литвинов,
И сказал, в бреду полки окинув:
«Князь, твою дружину крылья птиц
Придели, звери кровь слизали».
И умолкнул, распростёршись ниц
Не омытый братними слезами
Брячислава с Всеволодом, – один
Изронил свою жемчужну душу
Через ожерелие наружу
Тела удалого господин.
Ниц веселье, голоса уныли,
Трубы Городеньские завывли.

Ярославе и Всеслави внуки!
Стяги – долу, в ножны ржавый меч!
В прях усобных обагривших руки
Должно славы дедовской отсечь!
Ибо запах крови ваших распрей
Пробудил поганых в Русь идти,
В край Всеслава. И насилья праздник
Всё сметает на своём пути!

* * *

На седьмом Трояна веке
Хитроумный князь Всеслав
Кинул кость о красной девке,
Киев суженой назвал.

Подпершись клюкой о кони,
Захватил он злат престол,
И как предок на иконе,
Стукнул стружием о пол.

Отскочивши лютым зверем,
Рассекая скоком ночь,
Раздираем недоверьем,
Бёг из Белгорода прочь;

В синем облаке повиснув,
Взяв удачу за бока,
Трижды хлопнул, трижды свистнул
И, слезая с облака,

Снёс ворота Нову-граду,
Ярослава посрамив,
И в Немиге ждал награду
Серым волком в воздух взмыв.

На Немиге ж головами
Стелют красные снопы
И харлужными цепами
Их молотят. То-то пыль!

То-то спорится работа!
На току кладут живот
И не стряхивая пота
Душу веют тела от.

И кровавый брег Немиги
То не благом сеется,
А костями сыночков милых, –
Нет у смерти сердца!

* * *

Так Всеслав людей судил-рядил, –
Князю – город, смерду – необиду,
Ночью за ворота выходил
Киева; Тмутороканский идол
Видел клин косою его полков;
Волком Хорсу путь перебегая
В ночь одну, домой до петухов
Возвращался, сном пренебрегая.

В Полоцке едва раздастся звон,
К утрени скликающий в Софию,
А уж уши наостряет он
Полоцкие слыша позывные.
Обладая вещью душой
В дерзком и в бою отважном теле,
Редко был с удачей сам-большой, –
Отчего, скажите, в самом деле?

И недаром дерзкого Боян
Припечатал меткою припевкой
Гусли пробегая дестью-белкой,
Мёд смешав с полынью пополам,
Мудростью дошёл до самой сути
Он по славословьям, как по насту:
«Ни хытру, ни горазду,
Ни птицю Гаруде
Суда Божия
Не минути!»

* * *

О, стонати Руской земли,
Помянувши первую годину
И князей минувших. Николи
Не бывал Владимир-господине
Пригвождённым к киевским горам;
Ныне ж стяги Рюриковы розно
От Давыда стягов стали; грозно
Подпевают копия ветрам.
Отчего же, братья, вы в разладе,
Почему за брата брат не мстит?..

Над Дунаем голос Ярославны
Вспугнутой зегзицею летит:

«Полечу зегзицей по Дунаю
Омочу бибрян рукав в Каяле
Князю той водою ледяною
Кровь от ран утру в могучем теле».

Во Путивле на забрале рано
Плачет-причитает Ярославна:

«Что насильно веешь, ветр-ветрило,
Мечешь, господине, отчего,
На своих неся нетрудных крыльях,
Стрелы в воев лады моего?
Мало ли тебе у облак веять,
Корабли ли на море лелеять?
Почему ж веселие моё
Ты развеял в поле-ковьелье?»

Во Путивле рано на забрале
Плачет-причитает Ярославна:

«Днепр Словутич! Горы ты пробил,
Сквозь пройдя землёю половецкой,

Святослави ты лады хранил
К Кобяку лелея стан пловецкий.
Ты развей, Словутич, моё горе,
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб к нему не слала слёз на море –
И что хочешь спрашивай в награду».

На стене Путивля утром рано
Плачет-причитает Ярославна:

«Солнце-свет, треславное Ярило,
Всем тепло ты и красно еси,
Что своё ты пекло отворило
Воям лады, свиснув с небеси,
Ранам их горячую лучу
Шлешь свою, подобно палачу.
Жаждою ты скрючило им луки,
Тугою заткнуло колчаны, –
Или, солнце-свет, Трояна внуки
Супротив тебя ополчены?»

* * *

Плещет море пеной в полунощи;
Смерчей мглы с небес нисходят ниц.
Игорю знамением зарниц
Кажет путь назад к престолу отчу
Из земли из Половецкой
Бог.
Тьма кругом. Погасли даже зори.
Игорь с боку вертится на бок –
Тяжко Святославичу в позоре.
Игорь спит и не спит,
Игорь мыслью степи мерит
Что от Дона до Донца,
И надежде он и верит
И не верит до конца.

Свист в полночи раздался,
Кличет комоня Овлур
За рекою. Приподнялся
Игорь-князь с звериных шкур,
Внемлет. Свист тот словно ветер
Лёгкий – только б разбудить –
Велит князю разумети:
Князю Игорю не быть!
Всклинули поля, стукнула земля,
Восшумели травы по прибрежью,
И спросонья пьяное меля,
Вдалеке задвигались вежи.
Игорь горностаем к тростнику –
В два скачка – и гоголем на воду –
Да на борзы кони – на скаку
Прыг с него, почувствовав свободу,
Босым волком – да к лугам Донца –
Да под мглы, ширясь как сапсан,
Лебедь бья, гусей роняя перья
К завтраку, к обеду и к вечеру.
Коли Игорь соколом летит,
То Овлур за ним мелькает волком
И росу стрясая с трав хрипит –
Двух конейхватило ненадолго.

* * *

И сказал тут Игорю Донец:
«Или мало, князь, вкусил успеха,
А Кончак досады от огреха,
Русь же ликованья, наконец!»
Игорь же в ответ ему: «О, Донче!
Разве мало славы ты вкусил,
Что волной, чей хладный меч отточен,
Князя не топил, но выносил;
И тебе ли, отче, мало чести
Что стелил постелью мураву

Путнику, бежавшему от мести,
Павшему в бессильи на траву.
Мало ль ты величия знавал,
О, Донец, когда своей рукою
Беглеца под сению в покое
Бархатным туманом прикрывал.
Гоголем стерёг его в воде,
Чайкой на волне его лелеял,
Утицею чуткой о беде
Упреждал, ветров качая веер».

* * *

Не такая, молвят, речка Стugna:
Не струёй шипит она – змеёй,
И пожрав потоки – те ж друг друга –
В устье – омут!

В нём же молодой
Княжич Ростислав смеживши веки
Затворён на дне при тёмном бреге.
Плачет Ростислава мать о сыне.
Юный Ростиславе! Князь молодой!
Горе стебли травам подкосило
И деревья скрючило бедой.

* * *

Не сороки то застрекотали –
Вслед вперяя острые глаза,
Бормоча и вглядываясь в дали
Мчат Кончак и рядом мрачный Гзак.
И тогда умолкло всё в подлунной –
Карк вороний, галочий трезвон,
Треск сорок по роще многострунной,
Пополз стих и не встревожит сон.
Русла рек выстукивают дятлы
Беглецам указывая путь.

Соловьи рассвет сулят усталым,
Песней не дают передохнуть.
И сказал Гзак мрачный Кончаку:
«Упустили сокола до дому.
С соколёнком будем на чеку,
Чтобы не утечь и молодому.
Лучше ж – чтоб всего не растерять –
Нам его из луков расстрелять».
И сказал Кончак ему на это:
«Упустили сокола. А жаль.
Да у нас соколики. – Не печаль.
Мы его опутаем в тенета
Красоты девицы молодой –
И тогда забудет путь домой».

И угрюмо Гзак ему ответил:
«Если красной девкой оплетём,
После свадьбы утром на рассвете
Ни его, ни девки не найдём, –
Да, ни соколёнка, ни девицы;
И почнут клевать нас в поле птицы».

* * *

Рек Боян, ему вослед Ходына,
Песнетворцы Святославу-свет
Ярославовой былой години,
Бранной славы дедовских побед;
Донесли до нас уста молвы
Их слова; я повторить хочу:
«Тяжко ти главе кроме плечю,
Зло ти, телу, кроме головы». –
Тяжко так без Игоря Руси.

Только снова солнце в небеси! –
На земле родимой Игорь снова.
На Дунае девицы поют,

Стихотворное переложение «Слова»

И летят до Киева седого
Голоса их, над морем плывут.

Игорь едет Боричевым к церкви,
Пирогощей Игорь бьёт поклон.
Города наполнились весельем,
Веси рады, клик со всех сторон!

Спевши песню старым князьям, после
Воспоём мы князьям молодым,
Игорю и Всеволоду грозну
Славу тоекратно воздадим!
Славься соколёнок свет-Владимир, –
Слава повенчалась с молодыми!

Здравицу в честь князя и дружины –
Вам, борцам за правых христиан,
Вам, что тьмы поганых порешили –
Слава вам!

Дружине и князьям!

Аминь.